

«Утраченные годы» Ю. П. Спегальского. 1929-1936

Ларри В. Котрен

Жизнь и творчество Юрия Павловича Спегальского были описаны в мемуарах его жены, О. К. Аршакуни, и в многочисленных исследованиях. Особый интерес представляют годы трудного детства, когда формировался его характер. Он рано потерял отца, родная мать и отчим откровенно пренебрегали им, и какое-то время он вынужден был жить в заброшенном доме Печенко на участке в центре города, принадлежавшем его семье. Все школьные годы, проведенные в Пскове, он мечтал стать архитектором, чтобы заново отстроить и восстановить красоту родного города. В 1924 году в возрасте 15 лет он поступил на работу каменщиком, полный решимости получить образование, необходимое для достижения цели¹. Детство и юность, с их невзгодами, закалили его характер, сделали независимым и трудолюбивым, подготовили к борьбе в последующие годы.

Юрий Павлович Спегальский, 1929 год

До последнего времени период с 1929 по 1936 год, когда он учился в Ленинграде, оставался малоизученным, что позволяет определить это время как «утраченные годы». Скучные данные псковского архива позволяли описать этот период лишь схематично. Недостаток информации был в некоторой степени восполнен документами, полученными в архивах Ленинграда². Они дают более ясное представление об успеваемости и проблемах, с которыми столкнулся начинающий исследователь в своем стремлении стать архитектором.

В 1929 году, работая в Пскове, юный Спегальский дважды подает документы для поступления на архитектурный факультет Ленинградского Высшего художественно-технического института (ВХУТЕИН), бывшую престижную Академию художеств³. После сдачи вступительных экзаменов Спегальский был зачислен в сентябре 1929 года. Тогда же он представил необходимые документы, среди которых свежая фотография, сохранившаяся в архиве института. Юрий Павлович выглядит худым, возможно в результате недоедания, возможно из-за того, что вынужден был в первые голодные годы советской власти жить и работать, полагаясь на собственные силы. У него открытое и дружелюбное лицо неискушенного молодого человека из небольшого российского города.

В августе 1930 года, когда Спегальский закончил первый год четырехлетнего обучения, Высший художественно-технический институт был реорганизован, архитектурный факультет закрыт, а его студенты переведены на архитектурный факультет Ленинградского института коммунального строительства (ЛИКС), который в 1931 году был переименован в Ленинградский институт инженеров коммунального строительства (ЛИИКС)⁴. Для получения диплома архитектора нужно было освоить сложную программу, от восьми до двенадцати предметов за семестр. Первые два года изучались непрофилирующие предметы: высшая математика, политэкономия, ленинизм, немецкий язык и военное дело. В дополнение к теоретическим и практическим дисциплинам, связанным со строительством и архитектурным планированием, изучались рисование и техника акварели. Помимо этого, студенты должны были сдать два архитектурных проекта за семестр, пройти практику и написать финальный дипломный проект. Несмотря на то, что учебный план включал историю архитектуры, оценки по этому предмету Спегальский не получил⁵.

В учебном плане не было дисциплин, связанных с восстановлением и реставрацией архитектурных памятников, из-за которых Спегальский и выбрал профессию архитектора. Он ясно обозначил свою цель, оглядываясь в 1954 году на события прошлых лет: «Чтобы получить возможность серьезно заняться изучением псковской архитектуры, чтобы суметь как следует раскрыть черты творчества псковских зодчих и описать их, чтобы иметь возможность заняться реставрацией псковских памятников – я поехал учиться в Ленинград»⁶. Несмотря на то, что многие знания, полученные во время учебы, пригодились в дальнейшей работе, все же многое из области методов реставрации он получил из личного опыта, книг и журналов и от профессионалов-практиков.

Как и многих сокурсников, Спегальского во время учебы преследовала одна беда: постоянное безденежье и связанные с ним «испытания суровой студенческой жизни: холод, голод, нестройность с жильём»⁷. Ради экономии он делил убогое жилье с другими молодыми людьми, периодически был в отчаянном положении, и зачастую, из-за нехватки времени, не мог подрабатывать или найти работу. В течение учебного года стипендия была единственным средством существования.

Однако во время его обучения в институте с 1929 по 1936 год стипендиальная комиссия не раз принимала решение о лишении его стипендии, и он написал несколько, каждый раз все более отчаянных, заявлений с просьбой о ее восстановлении. Эти письма, хранящиеся в архиве, предоставляют ценную информацию о проблемах, с которыми Спегальскому пришлось столкнуться за семь лет. Представляется, что особенности характера, которые на протяжении всей жизни мешали ему достичь своей цели, уже в этот период усложняли его жизнь.

Однако же первый год обучения прошел гладко, и он получил отличные оценки по всем предметам, но на втором курсе, осенью 1930 года, возникла опасность лишиться столь важной для него ежемесячной стипендии. При обсуждении комиссией академической успеваемости Спегальского, возникли вопросы о его активности и общении с сокурсниками, и особенно об объеме и видах «общественной работы». В результате институт пригрозил лишением стипендии. В резком, от руки написанном письме в адрес стипендиальной комиссии, Спегальский повторил факты своей биографии, описанной при подаче заявления в институт. Для начала он сослался на свое рабочее происхождение, напомнив, что жил самостоятельно с пятнадцати лет, работая каменщиком, то есть с 1924 года, а с 1927 года был членом профсоюза строительных рабочих. И поскольку, как он утверждал, отец его тоже был из рабочего класса, он спрашивал, почему к нему относятся как к «сыну врага». Он признавал, что был

несколько увлечен работой профдеlegates на первом курсе, что отнимало много времени от учебы. Однако уточнил, что когда ему указали на это упущение, он не оправдываясь, исправился. Затем он перечислил объем выполненной им общественной работы, включая лекции, которые он должен был читать «... перед всем архитектурным факультетом», и которые он готовил полгода, хотя часть лекций так и не была прочитана и по непонятным причинам отменена институтом. Он спрашивал, почему среди сокурсников именно его выделили в качестве «антиобщественного типа»? В заключение он напомнил комиссии, что стипендия является для него единственным источником дохода и снятие ее означает, что он не сможет продолжить учебу и будет оторван от круга сокурсников, тех, с кем живет и работает⁸.

Остается неясным, почему Спегальский попал в «черный список» и обвинен в ненадлежащем исполнении своих обязанностей по отношению к сокурсникам и институту, и было ли так на самом деле. На основании того, что известно о характере Спегальского и его поведении в последующие годы, можно предположить, что основная причина заключалась в том, что он был «не как все». Он сам зарабатывал на жизнь, был высокого мнения о своих способностях и знаниях, поэтому и оказался в некоторой изоляции, выпав из социальной среды института. Это и неудивительно, если вспомнить историю его жизни: рос без отца, в пятнадцать лет фактически стал сиротой, сам обеспечивал себя, жил один в заброшенном доме, в восемнадцать лет стал членом профсоюза и был полон решимости получить образование, чтобы воссоздать и реставрировать родной город. Вероятно, поэтому рано повзрослел. Аршакуни писала, что в этот период студенты обращались к нему не иначе как «отец», тем самым выражая уважение за «... его характер: цельный, принципиальный ... наряду с целеустремленностью ... спокойной степенностью и строгой взыскательностью к самому себе»⁹. Весьма вероятно, что по сравнению с сокурсниками он был более зрелым, решительным и самостоятельным, и, возможно, поэтому выделялся, привлекал к себе внимание, чем и заслужил характеристику «антиобщественный тип». В результате ему было велено больше заниматься общественной работой института, иначе может лишиться стипендии, единственного источника своего существования.

В то время как этот вопрос был урегулирован, возникла более серьезная проблема, поставившая под удар не только получение стипендии и учебу, но и само будущее.

При поступлении в институт в 1929 году, Спегальский, в графе анкеты «социальное положение» его отца и матери, написал «рабочий»¹⁰. До революции его мать работала «в качестве канцелярской служащей»¹¹. Он отметил, что сам он начал работать с 1924¹² года и зарабатывал 300-400 рублей в год каменщиком¹³. Стремясь отмежеваться от дворянского происхождения своего отчима-врача и его социального круга, он писал, что «Мать сейчас замужем за врачом, проживает в Пскове, но в члены его семьи я не вхожу, а живу самостоятельно»¹⁴. Казалось бы, его пролетарское происхождение не должно было вызывать вопросов.

Между тем власти стали проявлять повышенную бдительность в отношении социального и политического прошлого граждан. Если свое пролетарское происхождение Спегальский мог подтвердить документами, то на отца таких бумаг у него не было. В 1929 году, в одном из заявлений при поступлении в институт, он упомянул следующие детали об отце: «Отец до революции работал по найму в качестве лепщика, перед самой революцией служил в армии. После революции, при эвакуации красных из Пскова, ушел в гор. Челябинск, где и умер в 1919 г. На какой службе он был в Челябинске не знаю»¹⁵. Несмотря на это, у властей возникли вопросы, и были затребованы документы. В июле 1930 года Спегальский написал заявление из Пскова,

добавив к ранее написанному: «Лишь в 1918 году, когда красные войска отступали от немцев, он, перед эвакуацией, поехал в Псков, забрал все решительно свои вещи и инструменты (и также документы) и уехал. Мне тогда было только 9 лет, но насколько помню, не сказал даже куда он едет. ...Со своей стороны я добавляю, что недвижимой собственностью он не владел и торговлей никогда не занимался, а существовал на средства, заработанные в качестве лепщика»¹⁶. Он добавил, что псковские госучреждения не располагали необходимыми документами, кроме единственного, подтверждающего факт смерти Павла Константиновича в Челябинске.

Тем не менее, вопросы оставались, что омрачало его жизнь в 1931 году. В январе 1932 года псковские власти получают запрос, в котором «ЛИИКС просит срочно прислать документы о работе Спегальского Павла Конст. и о социальном положении его до 1917 года»¹⁷. В феврале на запрос был отослан ответ на 14 страницах за подписью начальника Раймилиции гор. Пскова и Псковского района, но этого документа нет в личном деле Спегальского, как нет и информации о его содержании¹⁸. Тем не менее, можно предположить, что они были в пользу Спегальского, так как в личном деле больше о нем не упоминается.

Спегальскому повезло, что не возникло дальнейших вопросов, поскольку в заявлении при поступлении он явно искажал факты в отношении социального положения своих родителей. Верно то, что его отец не продолжил, вслед за своим, карьеру гражданского служащего, став каменщиком, скульптором и лепщиком. Но в действительности много поколений семьи его родителей относились к дворянскому сословию. Бабушке по материнской линии принадлежал дом, в котором он родился, а также земля, на котором находился он и каменный дом Печенко, и она долгое время сдавала жилье внаём. Поэтому относить родителей к «трудящемуся классу» было бы грешить против истины. Эту «белую ложь» ему удалось поддерживать всю жизнь.

Другими серьезными проблемами, которые грозили лишением стипендии и исключением из института, стали необъяснимые пропуски занятий, отсутствие должного и своевременного информирования института об изменениях в личной жизни и неуспеваемость. К примеру, 14 декабря 1931 года он был отчислен за многочисленные пропуски без уважительной причины¹⁹. Два дня спустя в письме, написанном от руки, он умолял «смягчить это постановление», ссылаясь на то, что подобное произошло впервые, что он навещал в Пскове больную мать и вынужден был задержаться, поскольку друг не смог вернуть ему долг. Он просил принять во внимание эти смягчающие обстоятельства, признал свою вину, обещал впредь относиться к занятиям более ответственно²⁰. Вскоре он был восстановлен, но стипендию получил лишь после двух заявлений, от 31 декабря и 14 января. К середине января его положение стало отчаянным. Он писал, что после отчисления в середине декабря и снятия стипендии ему не на что жить, и что находится он в «тяжелом положении»²¹.

Пропуски и последовавшее в конце 1931 года отчисление свидетельствовали о перемене, так как в этом семестре его успеваемость резко упала, что доказывают полученные оценки. Система оценок за три года обучения Спегальского носила описательный характер: замечательно, удовлетворительно, хорошо и т.д. За четыре семестра институтской программы с сентября 1929 по август 1931 года Спегальский получил «замечательно» по всем предметам; дальше его успеваемость пошла на убыль. В пятом и шестом семестрах, осенью 1931 и весной 1932 года, он получил «замечательно» всего два раза, за Ленинизм и восьмой проект пятого семестра; остальные оценки состояли из «удовлетворительно» и одного «хорошо». На выпускном курсе на смену пришла цифровая система, от 5 до 1. За 1933-36 годы все его оценки состояли из троек, за

исключением четверок по предметам «акварель», «деревянные конструкции» и «канализация»²².

Неслучайно успеваемость Спегальского упала осенью 1931 года и оставалась низкой до конца обучения. Возможным объяснением стал растущий разрыв между тем, что он изучал, и его конечными целями.

Гремячая башня

Во-первых, он занялся архитектурой из-за преданности родному городу. К осени 1931 года он упорно занимался уже два года и получил отличные оценки, несмотря на хроническое безденежье, вопросы по поводу его общественной работы и социального происхождения родителей. «Подзаряжался» Спегальский только возвращаясь летом в Псков и работая каменщиком на местных стройках. На протяжении всей жизни его тяга к Пскову была непреодолимой, и при любой возможности он из Ленинграда возвращался домой, чтобы заглушить душевную боль. Осенью 1931 года, после двух лет, проведенных в Ленинграде, до этого наезжая в Псков только в летние месяцы, он, возможно, не смог больше терпеть разлуки. Возможно, это объясняет длительное отсутствие на занятиях в декабре 1931 года и снижение успеваемости, поскольку тоска по Пскову угнетала его, лишала той небольшой энергии, которую он был готов тратить на занятия.

Во-вторых, в начале 1931 года Спегальский, возможно, начал совмещать учебу с работой. Снова и снова в заявлениях в стипендиальную комиссию он ссылаясь на свое бедственное положение и, не исключено, что для поправки бюджета нашел в Ленинграде подходящую работу, возможно, каменщика. Действительно, в письме из института 1933 года его напрямую спрашивали, где он работал в тот момент, и это доказывает то, что работать он начал еще раньше²³. Возможно, совмещение работы с такой сложной

учебной программой не приветствовалось, но Спегальскому не в первый раз приходилось сталкиваться с жизненными трудностями. В Пскове он занимался тяжелым физическим трудом, чтобы выжить. В то же время, весьма вероятно, что он не сообщил в институт о своем трудоустройстве из гордости, будучи независимым, как, впрочем, и из-за опасения лишиться стипендии.

И хотя с 1931 по 1933 год жизнь Спегальского была полна невзгод, что сказалось на успеваемости, период с 1933 по 1936 год во многом оказался еще более напряженным.

К январю 1933 года, после трех лет напряженной работы, он был близок к цели, диплому архитектора. Между тем хроническое безденежье, проблемы с успеваемостью, страстное стремление достичь цели и тоска по родному городу, в конце концов, подорвали его здоровье. В начале 1933 года Спегальский серьезно заболел, и, по словам Аршакуни, врачи не могли поставить диагноз, что, возможно, затянуло выздоровление²⁴.

Как оказалось, Спегальский просто перестал посещать занятия, пропустив в общей сложности 68 часов с января по апрель. Он допустил ошибку, не сообщив преподавателям и администрации института о своей болезни²⁵. 7 апреля он вынужден написать заявление в стипендиальную комиссию с просьбой восстановить стипендию после того, как ее сняли за «неуспеваемость»²⁶. Он объяснил, что пропустил половину января и февраля по болезни, на что имеет справку от врача с освобождением от занятий до 20 апреля²⁷. По каким-то причинам администрация с недоверием отнеслась к его оправданиям, подозревая, что все это время Спегальский работал в Ленинграде или Пскове. Действительно, пропуски занятий стали вызывать столько вопросов, что 8 апреля он получил официальную бумагу под грифом «Вторично» от заместителя директора по кадрам, согласно которой в течение трех дней он должен был явиться лично и сообщить «...где в настоящее время работаете» или прислать эту информацию по почте²⁸. В противном случае ему грозило отстранение от занятий²⁹. В архивах не обнаружено ответа Спегальского, но на этот раз от занятий его не отстранили.

В защиту Спегальского стоит отметить, что, несмотря на продолжительную болезнь, он справлялся с учебной нагрузкой. С февраля по июнь, несмотря на частые пропуски занятий, он сдал шесть предметов учебной программы четвертого курса, только в одном феврале четыре предмета, и двенадцатый архитектурный проект. На самом деле весной 1933 года он был близок к окончанию института, оставалось рисование, практика, тринадцатый проект по архитектурному проектированию и диплом³⁰.

Однако 1 июля 1933 года институт дает ему разрешение прервать занятия и работать в течение 1-2 лет «в качестве архитектора-стажера»³¹. Спегальский официально прервал занятия, когда он был всего в шаге от своей цели. Вероятно, для этого были веские причины.

Возможно, основной причиной стало то, что к этому времени Спегальский освоил все курсы, так или иначе, по его мнению, имеющие отношение к его основной цели, ради которой он начал обучение, – воссоздание и реставрация архитектурных памятников. Поскольку он не собирался работать обычным архитектором, где быгодились полученные знания, диплом был средством получения официальной должности, позволяющей реставрировать родной город. Большинство предметов первых двух курсов были тесно связаны с будущей профессией: строит. работы и части здания, строит. материалы, архитектурное проектирование (6 проектов), рисование (5 уроков) и акварель. Программа последних курсов, начиная с осени 1931 года, когда успеваемость начала падать, могла казаться ему менее значимой для будущей работы, так как включала такие дисциплины как железобетон (3 урока), статика сооружений (3 урока),

водоснабжение, канализация, отопление и вентиляция, и металлич. конструкции³². Из учебного плана ему оставалось сдать рисование, закончить два проекта и пройти практику. Из этого списка только рисование, вероятно, представляло для него интерес, так как было необходимо для создания архитектурных проектов. Поэтому во время болезни и переживаний он отложил сдачу этих предметов, поскольку они не имели прямого отношения к его будущим планам. Однако, как человек практичный, он понимал, что для получения диплома их придется в конце концов сдать, но, как позже отмечал его научный руководитель, больших усилий не прикладывал.

Аршакуни утверждала, что он прервал занятия на 14 месяцев с июля 1933 по сентябрь 1934 года из-за болезни и необходимости вернуться в Псков, чтобы поправить здоровье³³. Каким бы ни было его заболевание, он, вероятно, был истощен, «выгорел» после трех с половиной лет напряженных занятий и нуждался в продолжительном отдыхе перед дипломной практикой и написанием дипломного проекта. Всю свою жизнь только в Пскове Юрий Павлович мог по-настоящему отдохнуть, восстановиться и набраться энергии: «... опять работа каменщика, осмотр старинных построек, мечты, впечатления ... и, несомненно, планы»³⁴.

В то же время тот факт, что врачи не могли поставить диагноз, как и длительный перерыв в занятиях, могли означать, что он страдал от депрессии. Звучит правдоподобно, так как Аршакуни писала, что находясь в Ленинграде с 1947 по 1968 годы, он периодически впадал в депрессию³⁵. В такие периоды, которые могли длиться месяцы, ему было сложно справляться с привычными обязанностями. Утешение он находил только в Пскове, занимаясь искусством и работая над исследовательскими проектами по Пскову, а также занимаясь тяжелой физической работой. И действительно, четырнадцать месяцев в 1933-34 гг. он жил в Пскове, работал каменщиком на строительстве фабрики,³⁶ и, по словам Аршакуни, закончил черновик своей первой большой работы о развитии древнерусской архитектуры, хотя сама статья была опубликована посмертно в 1972 году³⁷.

Еще одной причиной, вынудившей сделать перерыв в учебе, стали очередные семейные неприятности. Его мать, Ольга Федоровна, сводная сестра, Нина Михайловна, и отчим, Михаил Николаевич Дадонов, в 1933 году переехали в Ашхабад, пытаясь избежать внимания властей в период преследования семей с дворянскими корнями. Вероятно, Юрий Павлович понимал, что ему тоже грозит опасность, если власти обнаружат его сомнительное «пролетарское происхождение». Давление на такие семьи усиливалось. Дадонов был арестован и 28 ноября 1937 года расстрелян за «контрреволюционную агитацию», а мать Спегальского и сводная сестра были сосланы в Воронежскую область³⁸. Каким-то образом правда о происхождении Спегальского не всплыла, и его не тронули.

Возможно, еще одной причиной перерыва в занятиях стала его женитьба на Александре Авраамовне Борисовой. Этот «гражданский брак» не был зарегистрирован и продлился «недолго». О ней известно лишь, что она была из Пскова и на четыре года моложе Спегальского. Хотя в письме другу он писал об этом, публично Спегальский никогда не упоминал обстоятельства этого брака, и судьба Александры Борисовой остается неизвестной³⁹.

Какими бы ни были причины перерыва в учебе, в сентябре 1933 года Спегальский был не готов приступить к занятиям, а в январе 1934 года вышел приказ о том, что им выполнено только 10% оставшейся учебной нагрузки и в связи с болезнью он отстраняется от занятий⁴⁰. Тем не менее вскоре он чувствовал себя достаточно хорошо,

чтобы вернуться в Ленинград, а 14 марта 1934 года попросил администрацию института выдать ему направление на практику в Алма-Ату, что и было незамедлительно сделано⁴¹. Почему практика была организована за 4000 километров, остается неизвестным. Однако на практику Спегальский не отбыл, как и не приступил к занятиям. Вместо этого он вновь отправился в Псков, где устроился на работу, на строительство «льночесальной фабрики», поскольку разрешение на работу «архитектором-стажером», выданное на 1-2 года, все еще было действительным.

Наконец 14 сентября 1934 года, спустя 14 месяцев, Спегальский вернулся в Ленинград и был допущен к работе над дипломным проектом⁴². Он написал заявление в стипендиальную комиссию с просьбой восстановить стипендию: «Вернувшись со стажировки в Ленинград и не имею, здесь, службы или другого заработка, и лишен возможности их искать, т.к. взял трудную тему дипломного проекта над которой нужно серьезно поработать. Прошу назначить мне стипендию, чтобы дать возможность нормально закончить институт»⁴³.

Несмотря на то, что стипендию в 102 рубля ему назначили, к ноябрю 1934 года он сдал только рисование. Возможно, в это время он работал над тринадцатым проектом, планом библиотеки, за который в мае 1935 года получил «3» с комментарием «слабо»⁴⁴. Затем вместо того, чтобы начать работу над дипломным проектом, Спегальский уехал из Ленинграда в Алма-Ату для прохождения обязательной практики. Там он работал архитектором в «Казгоспроекте», где разработал проект жилого дома, и с апреля по август 1935 года преподавал историю архитектуры в местном строительном техникуме⁴⁵.

Спегальский должен был вернуться в институт в последний семестр для разработки дипломного проекта, однако, он не появился и с институтом не связался. В результате 2 октября был отчислен. Три недели спустя с повинной головой Спегальский просит о восстановлении, объясняя свое отсутствие проблемами, «... о чем имеется письменное свидетельство Уполномоченного госконтроля по Казахстану»⁴⁶.

Он был восстановлен 29 октября, но допущен к дипломной работе только в феврале 1936 года⁴⁷. Документов, объясняющих причину такой задержки, не обнаружено. Можно предположить, что это время он провел в Пскове⁴⁸.

Юрий Павлович Спегальский, 1935 год

На фотографии Спегальского этого периода, точнее 1935 года, заметно, как сильно он изменился по сравнению с тем, как выглядел на фотографии 1929 года при поступлении. Он поправился и повзрослел, выглядел уставшим и несчастным, даже угрюмым. Не осталось и следа от волнения и ожиданий 1929 года⁴⁹.

Наконец 1 февраля Спегальский возвращается в институт и приступает к дипломному проекту. Он просит назначить ему стипендию: «Я не работаю в настоящее время в связи с тем, что занят дипломной работой и материально не обеспечен»⁵⁰. После этого получает стипендию в 165 рублей.

И хотя Спегальский вернулся в институт после перипетий последних двух лет, к занятиям душа у него не лежала. Дипломная работа, проект кинотеатра, стала настоящей головной болью. «Трудная тема», говорил он,⁵¹ и тратил на нее ровно столько усилий, сколько требовалось для получения диплома. Администрация устала от его проволочек и 15 апреля поставила ему «на вид» за то, что не закончил дипломный проект к сроку⁵². Наконец в мае он сдал работу и прошел защиту. Руководитель оценила работу на «3» с комментарием «весьма удовлетворительно»⁵³. Затем 21 мая отдельно включила разгромный отзыв об учебной деятельности Спегальского, озаглавленный «О работе дипломника Спегальского»: «С самого начала работает равнодушно. Без творческого порыва. Имеет способность, но не обладает напором. От него во все стороны несет ленью Обломова. После последнего обхода 7/V – 36 не подвинулся ни на шаг, не смотря на выговора и предупреждения со стороны ответственного руководителя ... С 12/V совершенно не посещает аудиторию. Раза два заходил на полчаса, почиркивал, почиркивал и уходил. Наши разговоры и воздействие не помогают. Надо привести его в равновесие путем выяснения причин, побуждающих его к такому отношению к делу...»⁵⁴.

Понятно, что по мнению преподавателей, Спегальский не полностью выполнил учебную нагрузку, хотя и защитил дипломный проект. Семестр еще не закончился, а он прекратил посещать занятия и исчез, без объяснения причин.

Упреки со стороны руководителя говорят о том, что ни преподаватели, ни администрация института не понимали ключевой особенности Спегальского. После сдачи необходимых дисциплин он не хотел тратить силы на дипломный проект и посещение занятий, что было проявлением цельности его натуры, а вовсе не признаком слабости характера. Они не разглядели и не поняли ни его целеустремленности и всепоглощающей страсти к Пскову и его архитектурным памятникам, ни причины, по которой он стремился стать архитектором. В 1955 году в письме другу О.К. Аршакуни дала меткую оценку характеру мужа, его отношению к работе и основной страсти: «... любит свои псковские памятники, упрям, всегда ленив на всё что не касается его прямого интереса к памятникам...»⁵⁵. Как только он выполнил учебную программу и защитил диплом, что не имело отношение к реставрации, он утратил всякий интерес к учебе. Он был прагматичным и целеустремленным молодым человеком, который получил от преподавателей и института все, что было необходимо для начала карьеры и продуктивной работы. Нежелание полностью выкладываться на проектах, не имеющих отношение к Пскову, было полностью в его характере и проявлялось всю жизнь, временами создавая проблемы во время работы в Ленинграде.

Официально он окончил институт 9 июля 1936 года и получил диплом архитектора⁵⁶.

Спегальский покинул стены института в мае 1936 года, не прощаясь и не сообщив, куда направляется. В письме от 10 ноября в адрес института он сообщил, что «... сразу-же после защиты дипломной работы я поступил на службу к Уполномоченному по охране памятников при Леноблисполкоме, о чем у меня была договорённость с дирекцией института. Однако, видимо, Уполномоченный по охране памятников до сих пор не сообщил об этом в институт, хотя я неоднократно напоминал ему об этом и письменно и устно»⁵⁷. Далее он объяснил, что сначала был направлен в командировку в город Кириллов, затем вернулся в Псков и не мог лично сообщить в институт, так как уже был занят в реставрационном проекте. При появлении вопросов он просил обращаться к работникам Леноблисполкома⁵⁸.

Летом 1936 года Спегальский без сожаления закрыл двери института, настроенный на профессиональную карьеру, о которой мечтал с юных лет и к которой, преодолевая препятствия, готовился долгие семь лет. Он достиг своей цели, работал над проектом реставрации древней Гремячей башни и собирался воплотить его в жизнь.

Людмила Ю. Дудченко, перевод с английского языка
Ирина Б. Голубева, редактор

---

¹ ЛИИКС Ф. 38. Л. 2.

² Я благодарен С. А. Гаврилову, который делился со мной материалами своего исследования в архивах Санкт-Петербурга.

³ ЛИИКС Ф. 38. Л. 2; Архивная справка от 15 марта 1959 г. В анкете, в графе день рождения, он написал 5 июня, 1909 вместо 3 июня, 1909.

⁴ ЛИИКС Ф. 38. Архивная справка от 15 марта 1959 г.

⁵ ЛИИКС. ф. 38. Табель зачетов студента.

⁶ Кузьменко М. А. Ю. П. Спегальский у истоков псковской реставрационной мастерской // Псков. 1998. С. 187, примечание № 8.

⁷ Аршакуни О. К. Предчувствие. Воспоминания о Юрии Павловиче Спегальском. Л. Лениздат. 1987. С. 50.

⁸ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 4.

-
- ⁹ Аршакуни О. К. Предчувствие. С. 50.
- ¹⁰ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 2.
- ¹¹ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 3.
- ¹² ЛИИКС. Ф. 38. Л. 4.
- ¹³ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 3.
- ¹⁴ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 3. Сохранена орфография оригинала.
- ¹⁵ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 3.
- ¹⁶ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 5.
- ¹⁷ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 9.
- ¹⁸ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 10.
- ¹⁹ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 13 об. Приказ от 14/12/31.
- ²⁰ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 12.
- ²¹ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 13 и 14.
- ²² ЛИИКС. ф. 38. Табель зачетов студента.
- ²³ ЛИИКС. ф. 38. Л. 18.
- ²⁴ Аршакуни О. К. Предчувствие. С. 53.
- ²⁵ ЛИИКС. ф. 38. Л. 17.
- ²⁶ ЛИИКС. ф. 38. Л. 16.
- ²⁷ ЛИИКС. ф. 38. Л. 16.
- ²⁸ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 18.
- ²⁹ ЛИИКС. ф. 38. Л. 18.
- ³⁰ ЛИИКС. ф. 38. Табель зачетов студента.
- ³¹ ЛИИКС. Ф. 38. Табель Зачета Студентов. Приказ № 83 от 1/7/33.
- ³² ЛИИКС. ф. 38. Табель зачетов студента.
- ³³ Аршакуни О. К. Предчувствие. С. 53-54.
- ³⁴ Булкин В. А. и Овсянников О. В. Ученый, зодчий, каменщик. Л. Лениздат. 1983. С. 9.
- ³⁵ См.: Аршакуни О. К. Народное зодчество Пскова. М. Стройиздат. 1987. С. 58;
Киселева Е. Г. Письма О. К. Аршакуни С. А. Цвылеву // Псков. 2015. № 43. С. 224 и 226.
- ³⁶ ЛОИА-ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 295. Л. 2 об. Согласно этому документу, он работал там до марта 1935 г.
- ³⁷ Аршакуни О. К. Предчувствие. С. 54; Снегальский Ю. П. К вопросу о взаимовлиянии деревянного и каменного зодчества древней Руси // Архитектурное наследие. 1972. № 19. С. 66-75.
- ³⁸ Аракчеева Ж. М. Возвращение: из истории двух псковских родов. // Псковская Правда. 1993. 3 февраля. С. 2; Аракчеева Ж. М. Род Печенко. // ЗПДСов. Псков. 1999. С. 133-134.
- ³⁹ Письмо Ж. М. Аракчеевой от Ю. Бродского, 20 апреля 1993. Информация из личного архива, предоставленная автору.
- ⁴⁰ ЛИИКС. Ф. 38. Табель Зачета Студентов. Приказ № 8 от 20/1/34.
- ⁴¹ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 19.
- ⁴² ЛИИКС. Ф. 38. Табель Зачета Студентов. Приказ № 113 от 13/9/34.
- ⁴³ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 21.
- ⁴⁴ ЛИИКС. ф. 38. Табель зачетов студента.
- ⁴⁵ ПГИХМЗ. Ф. 1647/1118. Л. 2.; ОЦАДПОД. Ф. 1219. Оп. 4. № 764. Л. 3 об и 5;
ПГОИАХМЗ № 29993. Л. 1 об.
- ⁴⁶ ЛИИКС. ф. 38. Л. 24.
- ⁴⁷ ЛИИКС. Ф. 38. Приказ № 110 от 7/10/35 и Приказ № 120 от 29/10/35.
- ⁴⁸ ПГИХМЗ. Ф. 1647/1118. Л. 2. В документе он утверждает, что в этот период был на занятиях в институте.
- ⁴⁹ Архивы Псковского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

-
- ⁵⁰ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 25.
- ⁵¹ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 21.
- ⁵² ЛИИКС. Ф. 38. Взыскания, Отчисление, Восстановл. Приказ № 42 от 15/4/36.
- ⁵³ ЛИИКС. Ф. 38. Табель зачетов студента.
- ⁵⁴ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 27.
- ⁵⁵ *Киселева Е. Г.* Письма О. К. Аршакуни С. А Цвилеву. С. 221.
- ⁵⁶ ЛИИКС. Ф. 38. Табель зачетов студента. Приказ № 70 от 19/7/36. Архивная справка от 15 марта 1959 г. В этом документе указана дата 9 июля 1936 г. согласно Приказу № 70. На документе в ЛИИКС. Ф. 38, Взыскания, Отчисление, Восстановл. указана дата 9/7/36 и Приказ № 70. По неизвестной причине Спегальский написал 26 апреля 1937 г. как дату получения диплома. См. ПГИХМЗ. Ф. 16547/1127.
- ⁵⁷ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 28.
- ⁵⁸ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 28. Спегальский провел обследование крепостных сооружений Кирилло-Белозерского монастыря.